

УДК 1(091);140.8

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.1.242

Концепт равенства в воззрениях И. Берлина

В.П. Потамская*, Д.Д. Григорьева**

* ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

** ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России», г. Тверь

Указывается, что исследования европейской интеллектуальной истории позволило И. Берлину изучить философские, по своей сути, проблемы, избегая исключительно аналитического анализа: он использовал исторические способы и методы исследования, но ставил перед собой философские цели. Отмечается, что философские концепты позволяют интерпретировать социальное и политическое мировоззрение эпохи. Рассматривается трактовка И. Берлином концепта «равенства».

Ключевые слова: история идей, интеллектуальная история, равенство, политическая теория.

Научная деятельность Исая Берлина – английского философа, историка идей, – заключалась в изучении всего разнообразия представлений о взглядах на жизнь, воплощающих различные и подчас несовместимые ценности и цели. На ранних этапах творчества он находился под сильным влиянием традиции британского эмпиризма. Но в отличие от своих оксфордских коллег-философов, Берлин с самого начала проявлял безграничный интерес к всему разнообразию человеческой жизни: к истории, литературе, искусству, политике, общественной жизни.

Его автобиографическое эссе, а также биография, составленная М. Игнатьевым, описывают тройственность личности Берлина – одновременно русской, еврейской и английской, сформированную под влиянием событий XX в. с его потрясениями и разногласиями [12, р. 15]. В детстве, во время нахождения в Петрограде, он познакомился с русской классической литературой – сочинениями Л.Н. Толстого, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. От мыслителей и писателей, в том числе столь любимых Берлином А.И. Герцена и И.С. Тургенева, он перенял увлеченность идеями и убежденность, что мысль способна поработать человека также, как природа и общество. Подобный детский интерес нашел свое наиболее полное отражение в исследованиях в 1930–1938 гг., когда он вновь обратился к наследию русской культуры, и всей последующей деятельности Берлина, посвятившего ряд эссе русским авторам: «Герцен был одновременно родственной душой – щедрым, вдумчивым, комичным и серьезным литератором – и моральным вызовом: тем, кто проявил мужество и политическую преданность, которых, по мнению Берлина, ему самому не хватало» [12]. Однако подлинный интерес вызвал Тургенев, и как позднее отмечал Бер-

лин, после прочтения «Накануне» он почувствовал, что его внутренняя натура была раскрыта.

Еврейский аспект личности Берлина связан с его семьей. Он родился в состоятельной еврейской семье, возводящей свое происхождение к хасидской династии Шнеерсонов. Первое образование получил в еврейской школе, знал иврит, изучал Талмуд, однако нельзя говорить о том, что он был религиозен. Скорее он относился к религиозной вере с ироническим уважением, но соблюдал основные праздники – Песах и Йом-Кипур. Тем не менее, по словам Берлина, он обязан иудаизму тем, что его либерализм отражает потребность к принадлежности. «Философы Просвещения заблуждались, утверждая, что мужчины и женщины могут жить в соответствии с абстрактными принципами, космополитическими ценностями... Этот отказ от естественных связей кажется мне благородным, но ошибочным. Когда мужчины жалуются на одиночество, они имеют в виду, что никто не понимает, что они говорят: быть понятым – значит разделять общее прошлое, общие чувства и язык, общие предположения... общие формы жизни. Быть евреем... значит иметь особое понимание этого одиночества... понимать, насколько велика потребность людей в том, чтобы быть дома... Принадлежность – это больше, чем владение землей и государственностью; это условие того, чтобы быть понятым» [12, р. 292].

Английское влияние выразилось в приверженности эмпиризму, убежденности в возможности понимания мира посредством опыта. Более того, Берлин приписывал именно английской политической мысли основное содержание своего либерализма: толерантность, принципы свободной дискуссии, уважение к мнению других, плюрализм. Однако, как представляется его либерализм включал в себя некоторые неанглийские элементы: воззрения А.И. Герцена, Б. Констан, Дж. Мадзини. «Версия англичан» Берлина была основана на его первом контакте с Англией в 1920-х гг. – периоде правления короля Георга, Г.К. Честертона, золотого стандарта, империи и победы, поэтому его оценка всего английского была исключительно положительной [12, р. 36].

Философские работы Берлина, опубликованные в сборнике «Концепты и категории» [4, р. XIII] во многом оказали влияние на последующую методологию интеллектуальной истории, а многие фундаментальные черты позднего ценностного плюрализма возможно обнаружить в ранних трудах о значении, верификации, феноменализме. В эссе «Цель философии» [8] и «Существует ли политическая теория?» [5] Берлин указывал, что перед ним стоит большая задача по изложению, возможно, более в духе Р.Дж. Коллингвуда, нежели какого-либо аналитического философа, различных концептов и категорий, которые люди привнесли в свой опыт и которые действительно способствовали его формированию. Подобное понимание подразумевает под собой следующее: если история различных моделей даст правильное представление о формировании человеческого опыта в разных эпохах и культурах, то возникают закономерные вопросы

об объективности того, что считается знанием в определенное время и конкретном месте. Основная цель философских исследований, по Берлину, состоит в том, чтобы оценить и преобразовать способы мышления и действия, сделав их менее внутренне противоречивыми, но при этом следует помнить, что на вопросы, озвученные в ходе исследования, невозможно получить однозначные и окончательные ответы. В дальнейшем Берлин перешел от непосредственного философского анализа к рассмотрению различных категорий, моделей, идей в рамках политической теории и интеллектуальной истории. Первую он считал, по сути, философской (ее невозможно свести к вопросам формального или эмпирического характера, аналогичным математическим или физическим), вторую понимал как историю изменения и смены моделей человеческого развития, в терминах которых осмысливалось прошлое, постановки новых вопросов и использования новых методов для поиска на них ответа.

Исследуемые Берлином социально-экономические и политические концепции дают возможность охарактеризовать наиболее общие темпоральные характеристики, выявить принятые в исследуемую эпоху нормы, интересующие человека вопросы, по сути, позволяя интерпретировать социальное и политическое мировоззрение эпохи. Терминологический и понятийный аппараты, используемые людьми, являются следствием психологических, социальных, физических процессов, открытие которых является задачей той или иной эмпирической науки. «Именно по таким сдвигам в методах рассмотрения прошлого (или настоящего, или будущего), по идиомам и словечкам, по выраженным в них сомнениям и надеждам, страхам и идеалам, можно лучше всего судить о развитии идей и концептуального аппарата общества...» [1, с. 82]. Подобный интерес к сдвигам и разрывам также был связан с личностью и биографией теоретика. В одном из писем Берлин отмечал свое огорчение тем, что его жизнь была разделена на своеобразные «отсеки», связанные неустойчивыми «скрепками»: детство в России, школа в Англии, Corpus Christi колледж Оксфордского университета, Оксфорд до войны, Вашингтон, Оксфорд и Лондон после войны, брак – «все это не соединено воедино, но разделено щелями и скреплено связями... я ненавижу перемены... и, кажется, обречен на них» [12, р. 287].

Несмотря на явно выраженный интерес к философии в 1944 г. Берлин отходит от нее в целях изучения истории идей. По версии, которую он любил распространять, это решение было принято, поскольку его убедили, что он не сможет внести значительный вклад в развитие философии. Тем не менее, в биографии Берлина возможно обнаружить более вескую причину: решение было принято через некоторое время после разговора во время трансатлантического перелета в Лондон. Именно тогда он начал рассматривать чистую философию как область, сходную критике или поэзии, в которых было бы невозможно пополнить запас «положительных человеческих знаний», и пришел к выводу, что должен сосредоточить свои усилия в области истории идей [11]. Философия сосредотачивается на том,

чтобы охарактеризовать «очки», посредством которых человек смотрит на реальность, а задача истории заключается в том, чтобы дать людям возможность почувствовать то, какой была реальность в ином времени и пространстве. Неизбежной характеристикой таких моделей и категорий мышления было то, что они менялись со временем. Для Дж. Айера – друга и интеллектуального оппонента Берлина, историчность человеческой мысли являлась побочной характеристикой. Для Берлина, в свою очередь, историчность была связана с центральной проблемой: можно ли примирить идею непрерывных, стабильных человеческих ценностей с явными историческими вариациями, тем, как эти ценности выражались во времени, в разных культурах. Подобная постановка вопроса позволяла поставить в центр внимания морально-этические аспекты и социально-политическую теорию. Следовательно, проект Берлина реализовывался одновременно на концептуальном (философском), эмпирическом (историческом) и нормативном (моральном и политическом) уровнях, движимый целями просвещения, свободы и достижения прогресса в постижение того, что представляет собой человек. Он всегда стремился опираться на исторические знания и практический опыт, в связи с этим его либеральные взгляды являлись достаточно умеренными и, в определенной степени, сдерживаемыми верой в конфликт высших ценностей [14, р. 81].

Несмотря на то, что либерализм выступает в качестве мировоззренческой установки Берлина, в области практической политики он ориентировался скорее на либерализм Нового курса, будучи убежденным, что люди не могут быть свободны, если они бедны, несчастны и недостаточно образованы. Плюрализм ценностей, закономерным образом вытекающий из его либеральных взглядов, подразумевал следующее: не просто утверждение о том, что в мире существует многочисленные ценности, такие как «свобода», «равенство» и «справедливость»; но и утверждение существования множества форм жизни, которым стоит следовать ради самих себя, некоторые из которых являются несоизмеримыми друг с другом и вступают в конфликт друг с другом. Ценности объективны, следовательно, и конфликты объективны, стало быть, основополагающей характеристикой, которая действительно определяет плюрализм, является неизбежность конфликта, а необходимость выбора между абсолютными притязаниями является характеристикой человеческого состояния [7, р. 214]. К примеру, хотя он и утверждает, что свобода является основополагающей ценностью либеральной политической морали, он отрицает возможность существования самой теории фундаментального права на свободу, поэтому главная задача состоит в том, чтобы освещать возможные конфликты ценностей, которые неизбежно влекут за собой выбор [10, р. 62]. Существуют несколько подходов к тому, что Берлин понимает под ценностным плюрализмом. По мнению Дж. Краудера, ценностный плюрализм подразумевает под собой утверждение о том, что фундаментальные человеческие ценности множественны и несоизмеримы, они находятся в состоянии противостояния и даже конфликта друг с другом,

ставя человека перед сложным выбором [14]. По мнению А. Паньковского, плюрализм Берлина разворачивается на нескольких уровнях: культурный плюрализм, этический плюрализм, плюрализм ценностей, методологический плюрализм [2, с. 171–172]. Согласно Д. Грею, плюрализм ценностей включает в себя три основных следствия. Во-первых, признание отсутствия общего знаменателя при разнообразии человеческих ценностей. Во-вторых, утверждение несовместимости и конфликтности ценностей. В-третьих, отсутствие иерархии ценности, которая позволяла бы взвешивать или ранжировать ценностные значения. Ценностный плюрализм как позиция в этической теории подразумевает наличие разнообразных форм человеческого процветания, которые не только несопоставимы, но и несовместимы. Именно эта присущая ценностям конкурентоспособность и делает ее достойной термина «агонистическая» [10, р. 86]. С. Люкс считал, что плюрализм ценностей у Берлина основан на убеждении, что ценностные суждения связаны с культурой [14].

Исследования европейской интеллектуальной истории позволило Берлину изучить философские, по своей сути, проблемы, избегая «чистого» аналитического анализа: он использовал исторические способы и методы исследования, но ставил перед собой философские цели [9, р. 91]. Следует отметить, что Берлин трактовал идеи достаточно широко, рассматривая их как изменения в широко принимаемых секуляризованных ценностях, целях, концептах, по крайней мере, в границах западной цивилизации [3, р. 207]. В 1950-е гг. он изучал труды Д. Дидро, К.А. Гельвеция, П.-П. Гольбаха, Ж. Ламетри, Вольтера, познакомился с немецким романтизмом в лице И. Шеллинга, И. Гердера, И. Фихте. В данный период он впервые обратился к одному из центральных концептов творчества – проблеме свободы, постепенно формулируя историческое видение перехода от идеалов свободы Просвещения к романтизму, и, в отличие от Дворкина, утверждающего, что идея равенства является основополагающей в либерализме, для Берлина свобода является наиболее важной либеральной ценностью [10, р. 62]. Тем не менее, концепт равенства оказался в центре его размышлений в 1956 г. В рамках одной из первых работ по интеллектуальной истории (наряду с эссе «Ёж и лиса» (1953) и «Историческая неизбежность» (1955)), он обращается к обсуждению концепта равенства, анализируя позицию, выраженную в классической формуле «каждый считается за одного, и никто – больше, чем за одного» [6, р. 81], часто используемого сторонниками утилитаризма. Изучаемая Берлином позиция представляет собой суть доктрины равенства или же равноправия, которые стоят в центре либеральной и демократической мысли. Как и многие другие концепции социально-политической философии, она является неопределенной, меняющей смыслы в зависимости от мыслителя или же общества, но представляет собой «нередуцируемый минимум идеала равенства» [6]. Следует отметить, что собственная формулировка Бентама звучит следующим образом: каждый человек в стране говорит за одного; ни один человек не го-

ворит больше, чем за одного – для Берлина характерно использование не вполне точных цитат, поскольку он не был скрупулезным и педантичным ученым: многие из высказываний являлись парафразами оригинала, часто сокращенными, и хотя он обладал феноменальной памятью, он часто забывал, откуда их взял [12, р. 280].

Рассуждая об идее равенства, Берлин отмечает ее присутствие как в рамках теистических представлений (убеждения, что все люди обладают бессмертной душой, и, следовательно, бесконечной ценностью), так и в границах либерализма, деизма, атеизма и других концепций. Другими словами, как и большинство известных формул и установок политической философии, данный концепт достаточно расплывчат, не ассоциируется с какой-либо конкретной философской системой, а его коннотации со временем изменялись. Более того, связь между подобной формулой и философскими учениями, которых придерживаются те, кто ее отстаивает, не является строго логической – следование определенной позиции не влечет за собой с необходимостью согласие с данным утверждением. Как представляется, Берлину важно понять, что представляет собой данный принцип, отделенный от его исторического или же психологического контекста, определить степень правдоподобности утверждения самого по себе. Кроме того, точное понимание идеи требует нечто большее, нежели знания семантического содержания термина, поэтому необходимым при проведении подобных исследований является исторический подход, подразумевающий под собой размышление о природе истории как интеллектуальной деятельности.

Рассматриваемое Берлином утверждение является частным применением более общего принципа – эгалитаристской, по своей сути, позиции, согласно которой люди равны, и поэтому к ним следует относиться одинаково. Предполагается, что равенство не нуждается в причинах и обосновании, в них нуждается только неравенство: «к примеру, у меня есть торт и есть десять человек, между которыми его следует разделить. Если я отдам ровно одну десятую каждому, то это автоматически не потребует обоснования; тогда как если я отступлю от принципа равного деления, ожидаемо, что я приведу какое-то обоснование для этого» [6].

Тем не менее, как указывает Берлин, поскольку люди не являются идентичными друг другу, данный принцип обычно преобразуется в целях его возможного применения. Можно выделить две концепции, связанные с пониманием равенства, каждая из которых была рассмотрена Р. Воллхаймом – правила и равенство как такое. Обратимся более подробно к первой. Правила представляют собой общие инструкции относительно действия или же бездействия в определенных обстоятельствах. Они предписывают единообразное поведение в сходных случаях, и по определению, влекут за собой степень равенства, поскольку само существование правила предписывает всем, кто под него подпадает, полностью его соблюдать. При этом неважно, какую форму принимают правила – моральных принципов и законов, кодексов позитивного права, правил игр или поведения,

принятых профессиональными ассоциациями, религиозными организациями, политическими партиями. К примеру, правило, гласящее, что высоким людям разрешено представлять в пять раз больше голосов, чем низким, создает очевидное неравенство. Тем не менее, в рамках этого неравенства оно обеспечивает равенство привилегий внутри каждого из двух классов [6]. По сути, такое понимание «равенства» Воллхайма подразумевает, что хотя товары, свободы и или привилегии, будь то власть, собственность или статус, не могут принадлежать в равных количествах или степени всем, тем не менее, каждый член класса имеет равное право на то, что предоставлено классу в целом.

Равенство также может быть связано с общественной моралью, понимаемой как система согласованных, т. е. внутренне непротиворечивых наборов правил: «в моральной системе, любые достаточные причины для нарушения правила X должны иметь форму правила Y, которое при определенных обстоятельствах может вступить в противоречие с правилом X, и в соответствии с правилом Z, отменить или изменить его» [6, р. 83–86]. Подобное общество, в котором действует какая-либо личная, социальная или же политическая мораль, представленная в виде правил разного порядка строгости, открыто, по Берлину, для ряда возражений. Допустим, что существующая социальная система включает в себя слишком много исключений. К примеру, могут возникать правила, которые противоречат общему принципу, что каждый человек должен считаться за единицу и только за нее (в соответствии с позицией Бентама, рассматривавшего общество как совокупность отдельных людей). Данный принцип будет сохраняться вследствие наличия правил в каждой области, хотя они не гарантируют его распространения за пределы системы. Отнесение же правила к категории несправедливых, по сути, означает, что оно противоречит какому-то другому правилу, обладающему более широкой областью применения. Другими словами, хотя учение Бентама о том, что каждый человек должен быть равен другому, было фактически воплощено в утилитаристских учениях, представляется очевидным, что равенство само по себе не вытекает из утилитаристских принципов и может иногда противоречить им [6]. Кроме того, следует отметить, что иерархически организованные общества, например, определенные типы средневекового общества, теократические общества или общества, основанные на рабстве, предположительно могут предложить своим членам наибольшую сумму счастья для наибольшего числа людей, нежели те общества, где существует большая степень социального или экономического равенства. «Когда Монтескье или Руссо, например, заявляют, что основное возражение против рабства заключается не в том, что оно делает людей несчастными..., а в том, что люди не имеют права поработать других людей, они выступают за равенство ради равенства» [6, р. 87]. Данное общество заслуживает осуждения, но не за нарушение правил, по которым оно живет, а за соблюдение ошибочных правил и преследование ложных ценностей. Более того, отдельно

взятое общество может быть подвергнуто критике только на том основании, что оно вообще подчиняется каким-либо правилам. Несмотря на то, что определенный минимум правил является простой эмпирической необходимостью для сохранения любой человеческой организации, критики могут ответить, что применяемые в обществе правила выходят за рамки этого минимума. Данная позиция прозвучала, преимущественно, в немецком романтизме и зачастую принимала форму осуждения основных императивов классических этических систем не потому, что они были ошибочными или пагубными, а потому, что они были всеобщими [6, р. 87–90].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что все три возражения относительно существующего порядка и правил, имеют непосредственное отношение к идее равенства. Они могут быть сформулированы следующим образом: нарушение правил без достаточных на то оснований; признание правил самих по себе плохими или несправедливыми; признание правил достойными сожаления просто потому, что они являются правилами. Первое высказывание представляет собой прямое требование равенства, ибо любой протест против исключений, просто потому, что являются исключениями, является подлинным призывом к равенству. Второе высказывание, в свою очередь, возникает из требования равенства, когда правила критикуются на том основании, что они противоречат другим, направленным на достижение большей степени всеобщего равенства. Третье высказывание является прямой атакой на идеал социального равенства как таковой.

Вторая концепция может быть озаглавлена как равенство как таковое. В своей простейшей форме идеал полного социального равенства воплощает стремление к максимальной схожести или даже подобию. Основная причина недовольства существующим обществом, по словам Берлина, крылась в неравенстве относительно обладания или пользования правами, качествами, свойствами, характеристиками или благами, к которым стремились люди. Возможно выделить два подхода в философском осмыслении того, являются ли такие характеристики, как различия в месте рождения, цвете кожи, религии или богатстве истинными источниками неравенства или же они дают основания для его установления. Сторонники первого подхода – теории естественных прав – сосредоточены не столько на концепте равенстве как таковом, сколько на обсуждении того, что представляют собой эти естественные права, как их можно обнаружить, проверить и понять, применяются ли они ко всем людям как таковым или только к некоторым. Сторонники рационалистических концепций, в свою очередь, утверждают, что принцип равенства должен распространяться на всю область человеческих отношений и изменяться только при наличии достаточных оснований. В целом, первая позиция вполне совместима с представлениями о неравенстве, а сторонники второй позиции будут протестовать против любого неравенства, если для него не будет приведено достаточного основания. Тем не менее, существуют серьезные препятствия для равенства, и, по оценке Берлина, сам факт существования различий между людьми позволяет говорить

о наличии некоторой степени неравенства. Вместе с тем, достаточно сложно утверждать, что крайняя степень равенства – признание максимального сходства всех – когда-либо сознательно выдвигалось в качестве идеала каким-либо серьезным мыслителем, однако различные виды равенства выступают как конкретные модификации этого абсолютного идеала, лежащего в центре эгалитаристской мысли. К примеру, если равенство предоставляется в политической и судебной сфере (равный доступ к управлению и наличие определенного минимума свобод), то в других сферах (например, экономической) возможна неприменимость данного принципа. Подобная позиция лежит в основе одного из принципов либерализма – *laissez faire* [6, p. 90–93].

Обсуждая проблемы эгалитаризма, Берлин отмечает, что даже в работах, посвященных отстаиванию идеала равенства, например в трудах Кондорсе, встречаются представления о неравенстве. Размышляя о необходимости управления обществом людьми просвещенными, Кондорсе указывает, что они должны будут обладать большими полномочиями, нежели те, кем они управляют. Причина заключается не столько в том, что без подобного управления истинное равенство не может быть достигнуто, но и в том, что необходимо стремиться к другим идеалам, таким как счастье, добродетель, справедливость, прогресс в искусстве и науке, удовлетворение различных моральных и духовных потребностей. Сам Кондорсе не был заинтересован в изучении проблемы того, может ли стремление к равенству вступить в конфликт с другими целями, поскольку, как и многие мыслители его времени, он принимал как должное, что все «хорошие вещи, безусловно, совместимы и, действительно, взаимосвязаны друг с другом» [6]. Подобные монистические установки, по словам Берлина, определяли европейскую мысль на протяжении всей ее истории. Сам монизм покоится на «трехногом табурете», состоящем из следующих положений: а) существует один истинный ответ на все подлинные вопросы; все остальное – отход от истины, являющийся ложным; это относится как к вопросам поведения и чувств, то есть к практике, так и к вопросам теории или наблюдения; 2) истинные ответы на подобные вопросы в принципе известны; 3) истинные ответы не могут противоречить друг другу, поскольку одно истинное предложение не может быть несовместимо с другим; ответы формируют единое гармоничное целое: это может быть логическая система, где каждый элемент логически влечет за собой другой и вытекает из других элементов, либо выступать как, отношение частей к целому [13, p. 130]. В рамках монизма нивелировалась сама возможность конкурирующих ценностей и целей человека, которая и являются основополагающей по мнению Берлина. Для теоретика, в свою очередь, равенство выступает как одна из многочисленных ценностей. Из этого следует, что когда стремление к равенству вступает в конфликт с другими человеческими целями, будь то стремление к счастью, удовольствию, справедливости, добродетели, красоте, разнообразию в обществе, свободе, только самый «фанатичный эгалитарист» будет требовать, чтобы такие конфликты неизмен-

но разрешались в пользу равенства, при игнорировании других «ценностей» [6, р. 93–96]. Степень, в которой оно может быть совместимо с другими принципами, зависит от конкретной ситуации, и не может быть выведена из общих законов любого рода; оно не более и не менее рационально, чем любая другая цель.

В целом, вера в равенство является глубоко укоренившимся принципом человеческого мышления. Он был принят во многих теоретических доктринах, в системах утилитаристов и теориях естественного права, различных религиозных учениях. Однако он может быть изолирован от них и использоваться не столько посредством логической связи, сколько вследствие психологического сходства, или же утверждения, что те, кто верил в утилитарные, религиозные или метафизические доктрины, также верили в принцип равенства и поэтому считали любое общество, которое не обладало им, менее достойным внимания. В своей крайней форме концепт требует минимизации всех различий между людьми, стирания максимального числа различий, достижения единообразия в соответствии с единым образцом, однако редко воплощается в подобном виде в конкретных учениях и доктринах. Отказ от принципа равенства происходит вследствие того, что он вступает в противоречии с другими ценностями и идеалами. Хотя равенство является одной из старейших идей либеральной мысли, оно не является ни более, ни менее «естественным» или «рациональным», чем любая другая их составляющая.

Список литературы

1. Берлин И. Политические идеи в двадцатом веке // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2024).
2. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Berlin I. Apotheosis of the Romantic Will: the Revolt against the Myth of an Ideal World // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 207–237.
4. Berlin I. Author's Preface // *Concepts and Categories*. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. XI–XIII.
5. Berlin I. Does Political Theory Still Exist? // *Concepts and Categories* / ed. by H. Hardy. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 143–172.
6. Berlin I. Equality // *Concepts and Categories* / ed. by H. Hardy. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 81–102.
7. Berlin I. *Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 416 p.
8. Berlin I. The Purpose of Philosophy // *Concepts and Categories* / ed. by H. Hardy. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 1–11.
9. Bode M. Isaiah Berlin and the Problem of Counter-Enlightenment Liberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Isaiah->

Berlin-and-the-problem-of-liberalism.-

Bode/779bd9d2e09dd1c923199378376f0c262dfd13fb (accessed: 22.01.2024).

10. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.

11. Hao Y. History, method, and pluralism. A Re-interpretation of Isaiah Berlin's Political Thought [Electronic resource]. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1832/1/U205195.pdf> (accessed: 07.10.2024).

12. Ignatieff M. Isaiah Berlin: a life. L.: Vintage Uk, 2000. 356 p.

13. Martins A.V. Pluralism v. Relativism. An Appraisal of Isaiah Berlin's Defence of Pluralism [Electronic resource]. URL: https://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/18986/1/TeseMA_AMartins_104013009%20%281%29.pdf (accessed: 07.10.2024).

14. Thorsen D.E. The Politics of Freedom A Study of the Political Thought of Isaiah Berlin and Karl Popper, and of the Challenge of Neoliberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/13298> (accessed: 07.10.2024).

The equality in I. Berlin's philosophy

V.P. Potamskaya*, D.D. Grigorieva**

* Tver State University, Tver

** Tver State Medical University, Tver

The investigation of European intellectual history allowed I. Berlin to study philosophical problems, avoiding only analytical analysis: he used historical methods and research techniques, but set philosophical goals. It is noted that philosophical concepts allow to interpret the social and political worldview. I. Berlin's interpretation of the concept of "equality" is considered.

Keywords: *history of ideas, intellectual history, equality, political theory.*

Об авторах:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

ГРИГОРЬЕВА Дарья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской ГМУ Минздрава России», г. Тверь. E-mail: danya72@mail.ru. SPIN-код: 5811-2538

Authors information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

GRIGORIEVA Darya Dmitrievna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with Bioethics and History of the Fatherland Courses of Tver State Medical University, Tver. E-mail: danya72@mail.ru. SPIN-код: 5811-2538

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 28.02.2025.